

Первый день весны

Юрий Сапожников

18+

Юрий Владимирович Сапожников

Первый день весны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70435633

SelfPub; 2024

Аннотация

Писать о любви всегда приятно, особенно, если вновь переживаешь свои собственные эмоции. Первый из этого цикла рассказ должен был быть о счастливом весеннем чувстве, но опять получился тяжелым воспоминанием. Впрочем, в конце всем обещана надежда.

Юрий Сапожников

Первый день весны

Сергей тупо пялился в февральское законное небо и физически, холодной кожей бледных пальцев, ощущал – насколько там, на улице, гадко. Даже и не очень холодно, просто дует сырой ветер, забираясь за ворот, кидает в глаза водяную пыль, воняет сырým снегом, собачьим дерьмом и окурками. Такое вот первое марта. Перепрелое внутри несвежих растянутых подштанников за длинную серую зиму ожидание весеннего солнца, птичьих песен и чуда.

Подштанников Сережа не носил, запретил себе это делать на первом курсе, когда еще безысходно и лениво бродил в институт на ненужные ему пары. В группе оказался пришедший со срочной службы парнишка с Нерехты, старше на пять лет, с вызывающей щеточкой пшеничных усов, обгрызенными ногтями на крупных веснушчатых пальцах, в вельветовых желтых штанах и олимпийке с лампасами круглый год. Он так и ходил от общаги до института – зимой, по сугробам, осенью и весной под дождиком, летом, правда, кофту завязывал вокруг пояса. Другой одежды, наверное, у него не было. Секрет своего презрения к холоду бывший солдатик раскрыл в физкультурной раздевалке – под вельветовыми штанами у него оказались армейские голубые, изрядно застиранные, побелевшие уже на коленках и мотне, кальсо-

ны.

Поржали, конечно, над бродягой. Шибко не глумились, сторонились просто. Бывало, кидали недоеденные вонючие позавчерашние котлеты из столовки ему в стоптанные кеды. Димон – так по-идиотски звали служивого – ничего не говорил, крайних не искал, вытряхивал душные приманки из обуви, сопя, напяливал на рыжеволосые подмышки черную майку с разноцветным «Гуччи» на груди.

– Эээ, земляк, а что это у тебя написано на майке? Фирмовая, наверное... Не разберу на англише, – пуча от сдавленного смеха глаза, спрашивал Димона длинный очкастый Федя, сын известного композитора областного масштаба, юный пропойца и любимец многих страдающих девичьих сердец.

– Чо гришь? – быстрой скороговоркой отзывался сразу Дима. Он так всегда отвечал на внезапные вопросы. Все пришли к общему мнению, что это он в силу своего тугодумства тянет время, чтоб сообразить ответ, – Аааа, так это – Кукки написано...

– Каа-а-к?! Кукки?! – уже не в силах терпеть, раскатывался заразительным смехом Федя, и десятки здоровых юношеских глоток вторили ему, а Димон краснел ушами, дергал кадыком, сопел и уходил из раздевалки, загребая по истертому линолеуму кривоватыми ногами.

Зима в тот год была длинная, без оттепелей, вот почти, как нынешняя, снежная, но почему-то неяркая, пасмурная и оттого надоедливая до ужаса. Пятый курс катился к заверше-

нию, утомляя технологией производства и прочей дрянью. Сергею удалось через родственника-мента одного из корешей в складчину арендовать ларек в хорошем, проходном месте у кинотеатра, и пошла прибыль. Точка быстро наполнилась крадеными часами, алкаши тащили из дому золотище изможденных родственников, наркоманы ночами шуршали пакетами, сбагривали продавщицам сдернутое на гопстопе барахло, магнитолы из машин, батины альбомы с марками и дедовские ордена.

На троих взяли с однокурсниками «восьмерку» за четыре зеленых тысячи, но, поскольку права имелись только у Сергея, ему и выпал фарт рулить на красной, с желтым гремучим салоном, однако, весьма еще модной в девяносто шестом году, машине.

В институт компания наиболее авторитетных и современных парней во главе с Сергеем уже к пятому курсу навевалась крайне редко. Каждый год, в декабре и мае, собирали мятые серые долларовые десятки и пятаки, аккуратно гладили, складывали тощими стопочками и Сережа степенно разносил пачки под цветными резинками по кафедрам, с уважением, но и собственным достоинством выпрастывая деньги из фирменных «Левисов» пальцами с обязательной кованой золотой гайкой.

Бизнес в ларьке шел в гору, так что через год поставили бабу на вещевого рынок с ходовыми тряпками – куртками из поролоновой коричневой кожи, фиолетовыми и жел-

тыми пуховиками, джинсами, клетчатыми рубашками на лесорубный манер. К тому времени Сергей окончательно забросил радовавшие в отрочестве книжки, вздыхая, вспоминал иногда с ностальгической дремой свои мечты о парусниках, зеленых, теплых южных океанах, пиратах, героических подвигах. Надоела качалка в соседнем подвале, оставалось всех дел – сидеть в кафе, брякая по пластмассовому столу ключами от машины, тыкать «змеёйку», демонстрируя всем еще тогда диковинную «Моторолу», курить, обниматься с братками из крышевой бригады и привлекать внимание девушек.

Женщины в то время нравились Сергею исключительно красивые, вызывающе накрашенные, одетые в модные, пусть и дешевые тряпки. Критерий имелся один – ведь должна же подруга быть желанной, и лучше для большинства пацанов. Иначе, к чему это? Тогда можно жениться в 18 лет, наделать детей, пусть стареет жена, прочь все желания. Ему казалось, что это и есть его философия, правильная и продуманная.

Девушку с первого курса, с экономического, недавно открытого популярного факультета, он первый раз заметил на осеннем посвящении в студенты. Редко бывая в институте, на праздник молодых Сережа ходил каждый год – вот где цветник наивных девочек, причем посторонних в актовый вузовский зал не пускали, а парни первокурсники – сплошь золотушные сельские тихони. Сверкая в потемках перстнем и браслетом, удерживая привычно в правой руке банку пива,

а в левой ключи от машины и «Моторолу», Сергей обходил ряды, задевая стыдливые коленки – полные, круглые, иногда острые, костлявенькие, – но всякий раз новые, поэтому интересные.

– Э, слышь? – Сергей наклонился, цепко взял за плечо незнакомого юношу-первокурсника, сидевшего рядом с удивительной, светящейся в полумраке гривой волнистых светлых волос, – Ты чего тут расселся, бакланюга? Место мое занял. Во дает, бессмертный...

Под извинения парнишка удалился по тесному проходу, Сергей приземлился на сиденье, небрежно сжал тонкую кисть соседки и только разглядел ее саму, повернувшуюся на шум, убравшую волосы за тонкие ключицы. Чутье не подвело – простоватое, но милое синеглазое лицо с обиженными детскими губами, маленькими и круглыми, за которыми слегка видны два заячьих белых резца – символический образ домашней невинности.

Да, тогда еще встречались шестнадцатилетние девственницы, было такое чудо. Сергей, вспоминая канувшие в бездну годы, вытряхнул из пачки сигарету, приоткрыл створку окна на щель. С улицы понесло сыростью и холодом. У помойки неторопливо мнет ногами найденные жестяные банки бич, аккуратно роется в контейнерах, не раскидывает, гремит не сильно воскресным утром, виновато оглядывается на окна спящего дома. У бомжа, наверное, больные ноги. Он

вынужден ковылять ими, часто переставляя по наледи, мучительно переваливаясь, держаться за мусорные баки, и сами ноги-то – кривые, в войлочных разбитых чунях – очень уж изуродованы его бестолковой жизнью.

– Ой, ну чего вот они не живут, как люди? Вон, шел бы в «Пятерочку» охранником. Или дворником хоть. Так ни фи-га, будет из себя идиота корчить, жалость вызывать. Сам, по-ди, алкашина, работать лень. Мне вот таких совсем не жалко... Да ты глянь – куртка у него модная! У тебя вроде такая была... Яйцо сварить? И чего на кухне куришь, на балкон бы шел...

Да, это она. Та самая, шестнадцатилетняя девочка Аня, только спустя двадцать лет. Ничего, собственно в ней не поменялось. Глаза немного утонули в сетке морщинок, выцвели в бледный голубенький ситец, зато рот остался прежний – обиженно надутый, круглый. Тогда, в девяносто шестом году она ему казалась пунцовым, бархатным бутоном, не раскрытым только еще в силу скромности, однако, внутри сложным, интересным, наполненным эмоциями, мыслями и пылкими мечтами. Обманулся, черт возьми, с первой встречи. Угадал только про грудь – хорошая, это правда. И надо было тогда отступить, прикончить это обычное дело, позволить другому человеку, а, может, и ей тоже, испытать настоящее счастье. Потому что через двадцать лет наблюдений за ее коровьей натурой Сергею почему-то представлялось все чаще, как она давится за завтраком куском булки, кашляет, округляя бес-

смысленные глаза, а у него в руке догорает сигарета и жалко выбросить чинарик, чтобы выбить у нее из горла хлебный кляп.

В девяносто седьмом теплынь после длинной зимы наступила быстро, за пару недель. Над весенней, разломавшей мгновенно лед, рекой метался радостный ветер, носил пухлых чаек и стремительные черточки ласточек. Сергей подрулил к общаге, приткнул машину сбоку от входа, прямо на газоне, в тополевой, еще голой, тени, лениво курил, перематывал на магнитоле Круга, понемногу хлебал пиво. Тут она живет. Сейчас вернется с учебы, повезу в кафе, потом погулять на речку. Ночи тают, светлеют, куда ей деваться? В общаге сидеть глупо, не откажется. Долго, конечно, динамил с осени, да все некогда. Но живет с девками, к мужику не переехала, значит, дожимать, и всех делов. Правда, сказали, таскается с ней какой-то лошара, ну этого подвинем.

Она появилась из недр дребезжащего железными кишками трамвая около шести вечера. Действительно, какой-то парень аккуратно ссадил ее с ржавой подножки, придерживая локоть в джинсовой куртке, повел к общежитию, говоря что-то в пышноволосую голову. Они прошагали мимо красной «восьмерки», откуда играл «Фраер», мимо высунутой Серегиной ноги в белой кроссовке, на облезлом крыльце дома стояли, беседуя, в полуметре друг от друга. Не дала еще, видать. Ломается. Вот уж реально, фраер, ухажер-то. Ну, зна-

чит, сегодня дело надо заканчивать. А погоди-ка, паренек ведь знакомый – майка вон черная «Гуччи», полиняла за много лет. Солдатик, почти готовый инженер, Серегин однокурсник, усатый, рыжий кривоногий Димон. Да они еще и в одной общаге живут. Там бы и подкатывал, лупень. Вот это поворот! Юная коза и усатый герой немецкого порно... Впрочем, это не про Димона. Он – сразу жениться. Он – по-честному.

Следующим утром, с досадой оттирая водкой предательские пятнышки с желтого велюрового сиденья машины, Серега думал – неплохая девка, да ничего и особенного. Как раз бы Димону жениться. Медленная, грустная телка, и с шампанским не раскачалась. Весь умаялся, а она только вспотела немного, стала холодно-липкая, лягушечка. Смотрела, однако, преданно, когда подвез и высадил. Так просто не бро-сишь, придется погулять. Ну, бывает и такое...

– Ты своему-то, ухажеру, не говори, Анька, слышь? – угощая ее, непонятливаю, дымящей дурью из пластиковой полторашки, гнусил как-то вечером Серега. В машине кумар, хоть и стекла приспущены. Воняет сладким планом, с улицы тянет яблоневым цветом и гудроном, которым работяги днем заливали лопнувший, морщинистый, как старушечья шея, асфальт на набережной, – Парень он хороший, мож и поженитесь... Детишки пойдут. Он тебя вроде любит, кадыкастый...

– Сережа, ты что это, что такое?! – она в полутьме шарила

в машине его руку, лезла в ухо мокрыми губами, – Какой еще ухажер? Мы с тобой ведь, да? Да?! Я Диме сказала, не могу обманывать. Что я с тобой теперь. Да ведь у нас с ним ничего и не было... Он хотел меня отвезти в Нерехту, домой к себе, с мамой познакомить. А тут – ты... Я твоя теперь, Сереженька!

– Ну, блин! – качал головой Сергей, пытаясь выплюнуть в окошко тягучий ком слюны, но мутные нитки текли по подбородку и белой футболке, а лицо Анны с синими глазами вдруг живо напоминало ему старый бабушкин ночник – гипсовую допотопную сову со стеклянными глазами – и смешно становилось до ужаса, так что попытки прополоскать горло джином оборачивались пузырями из носа, и дикий его смех на травяном приходе пугал Анну и делал еще потешнее ее кукольную рожицу.

Димон подошел к нему через пару недель, когда уже началась последняя дипломная сессия. Все в институте знали Серегин ларек на площади у кинотеатра, и что, если прийти в обед – там всегда в это время стоит его машина, и он сам воспитывает продавцов и может показать – что интересного принесли в скупку за ночь.

– Привет, Димон, – Сергей пожал твердую, широкую граблю обманутого солдатика, не снимая черных очков, вглядывался ему под рыжие ресницы, ловил взгляд, – Сегодня футболок притащили, черные, стирать меньше. Походу, вьетнамцев обули нарики. Бери пару, уступлю за зеленую два-

дцатку. Можно в долг. Отдашь потом, ты ж скоро на работу? Диплом на носу...

– Защитить еще, диплом-то, – вздохнул Димон, теребя карманы своих вельветовых штанов, видно, искал сигареты, – Я вот чего, пришел-то...

– Кури, братан, – угощал его ментоловым «Вогом» Сережа, – Слушаю тебя. Пива хочешь? Вон подвезли, холодное...

– Да не... Не знаю, как начать, дурак, наверное, – шлепал губами в пшеничных усах, муслил тонкую сигаретку, твердыми, узловатыми пальцами мял ее Дмитрий. Усы, должно быть, воняют у него табачным железом и кислятиной. И вон, торчат из-под мышек нестриженные, тоже бурые, волосья. Он реально их никогда не стриг? Ну, если даже ты мужланище, то окоротить немного? В голове всплыл случай недавней юности, которым Сергей немедленно поделился с вздыхающим Димоном, с целью разрядить обстановку. Ведь за Аньку говорить пришел, понятно. Решиться не может, и зря.

– Тут случай был, секи, братан. Еду я, значит, на автобусе с УПК. Дело было еще в девятом классе, школьник я. А проходили мы в мехколонне, за рекой, на конечной. Лето было, жара. Там остановка после нашей – мукомольная фабрика. Ну, садятся бабы, молодые, лет по восемнадцать – двадцать, со смены. А мы с корешами заспорили – кто познакомится? В автобусе тесно, рядом со мной девка стоит – высокая, кудрявая такая, в теле, но не жирная, брюнетища, за верхний поручень держится. Под мышкой у нее, слышь, такой прямо

куст торчит и шманит – дурью просто!! Я–то пьяненький, наглотался пива с водкой, ну и зубами ее прямо за волосы – к-аа-а-к дерну!!! Она орать, автобус по тормозам, во было – а-а-ха-ха-аааа, огонь просто...

Димон добивал бычок, улыбался, качая головой, пожал снова руку Сергею, побрел в обратную сторону, к остановке.

– Э, Димон!! – крикнул ему в спину Сережа, – Ты чего приходил-то? Футболки возьмешь? Ну, как хочешь...

Аннушка к июню месяцу освоилась с ролью постоянной подруги Сергея, надоедала каждый день в ларьке, таскалась, одалживая в его точках тряпье на рынке, вечерами привычно, надувая мятные пузыри «Ригли», забиралась в машину, оттопыривая круглый миниюбочный зад. Ее уже не смущали насмешки Сергея, его подколки и пренебрежение, и ему даже показалось, что она забеременела, поэтому так быстро освоилась и уверилась в себе. До получения диплома ему оставался месяц, все уже было давно оплачено, бесполезный институт останется в прошлом, вместе с этой дурой с первого курса. Нужно будет двигать в сторону столицы, к друзьям, там другие перспективы. А эта корова синеглазая как раз останется Димону. Отличная идея! Надо будет их свести обратно.

– А что, Анька, вспоминаешь солдатика? Он вроде уже защитился. Скоро на работу устроится. Парень хороший, серьезный. Жениться хотел.

– Да ну его, – лениво отмахивалась Анна, – Поедем, по-

сидим в кафе? Шашлыка хочется.

– Ты чего опять без лифона, кобыла? Сиськи вывалила, – бурчал Сергей, заводя машину. Все-таки, красивая она. И грудь, да. Только уж больно глупа, – Зря ты так про Димона. Человек тебя реально любит. Не надо было мне встреть.

Шашлыки вкусные были в «Трещине» – это старая кафешка в привокзальном парке, заросшем со времен падения Союза ивой, шиповником и колтунами некошеной пятилетку травы. Легковушки деловых и прибалтненных подъезжали прямо по выщербленным, вздутым корнями, тротуарам, прочий народ прибывал с трамвайной остановки, и, надо сказать – тут всегда былолюдно, тем более в теплый сезон. Хозяин, крошечный горец Роберт, цену за шашлык установил небольшую, готовил сам, вместе с членами своей армянской, а может, еврейской, или вовсе цыганской семьи, и получалось вкусно. Продавали там разливное ярославское пиво, а водяру доброхоты несли с собой. Кто собирал с Роберта было неясно, однако в кафе терлись разнообразнейшие барыги, скупщики, боксеры, менты, и, самое удивительное – рядовые обыватели, часто с женщинами, причем добропорядочными. Вот в таком необычном месте случилось то самое дело, а теперь и не пойти туда погрузить – «Трещина» сгорела в двухтысячном, парк вырубили и застроили десятиэтажками.

В июне душно. Дождей мало, а в парке – до реки далеко – ветра вовсе нет. Комариный звон громче зудит в ушах,

чем песни Кучина и Кати Огонек из красного лакированного «Панасоника» с бара. Людей много, но Сергею с подружкой столик нашелся за небольшую русскую деньгу. Подходят, здороваются барыги, угрюмо кивают маленькие головы на квадратных шеях юниоров с «Волжанина». В целом – обычная публика, но на душе немного тревожно, а почему – не понять сразу.

В десятом часу шашлыки Аня осилила, пакет красного вина одолела, самое время до дому рулить. Немного не смогли разбежаться, кто в теме – быстренько соскочил, а Серега не успел поднять захмелевшую, розовощекую Аннушку с приметным бюстом.

На вишневом, с серебряным обвесом «Паджеро», в сопровождении «Опелей» и «девяток» прибыл недавно откинувшийся костромской бандюга Юра Глыба. Был он чрезвычайно мал ростом – потому, видать, и носил в насмешку такую погремуху еще с Союза – картаво-добродушен, охоч до баб и не имел носа. По разным версиям нос ему либо отрезали, либо потерял свой пятак в безуспешной борьбе с последствиями сифилиса. Глыба всегда тащил с кабаков и с улицы баб от мужиков, выдергивал по-беспределу, быки его молотили бедолаг, а Глыба радовался и щедро делился инфекциями со случайными подругами. Путь его завершился милицейской пулей в рот в казино, при большом стечении народа на банальной проверке документов в начале нового, двадцать первого века, когда у обиженных кончилось терпение, но тем

июньским вечером Глыба еще был вполне жив, и немедленно пригласил на танец Аннушку, а его шныр положил зеленую сотку Сергею под блюдечко на столе.

– Не сучи ногами, коммерс. Шеф отдыхает, утхни. Поезжай лучше домой, бабу твою привезем, не ссы.

Никуда, конечно, Аньку не привезут. Пару дней оставят на яме. Будут поить, ширять понемногу «крокодиллом», пользоваться всей шоблой. Человек тридцать пропустят через нее, не меньше. Во дела. Сидела бы в общаге. Или замуж вышла. И ничего ж не сделать. Тут их с пулемета если только класть...

– Да понял, не тупой, – Сергей поднялся, вздохнул, деньги не тронул, – Я ж не сутик, бабами не торгую. Если не привезете, в контору ночью поеду...

Путь к машине – мимо бара, по темному тротуару, под кронами разросшихся ив, где нет ни одного фонаря. Все заставлено тачками, быстро выехать не получится. Вдалеке гремит копытами трамвай. Там светло и нет уголовников. Ну, надо решать. Сергей не торопливо брел мимо не ображающей ничего еще Аннушки и обнявшего ее вокруг мягкой талии Юрика Глыбы, лысая его маленькая голова между ее грудей, вывороченный нос прикрыт переносицей массивных темных очков. Уже почти миновав танцующую в одиночестве и сумраке нелепую пару, Сережа дернул расслабленную Анну за вялую руку в близкий плотный куст, добавил к ее недоуменному воплю своих матюгов и ора, помчался сквозь

бурелом, таща ее, в сторону трамвайной остановки, к проспекту.

Надо оторваться. Пока они по машинам прыгнут. Куда ехать – не поймут. В общагу к ней бежать, в институтскую. Там через дорогу РОВД. Ночью не найдут если, не поймают – утром отвалится. Что ему предъявить? Сами беспределят. «Восьмерку», конечно, сожгут. Ну, ничего. На этом, может, и кончится. Не бросать же ее? На адскую муку.

Петляли парком долго под соловьиные невероятные песни. Воздух – летний дурман, за плечами – черти. Аннушку тошнило в овраге за кладбищем, Сергей затыкал ей ладонью мокрый рот, чтоб не орала громко, тащил дальше, кружил дворами, параллельными улицами, захламленными подворотнями.

Не очень поздно – около полуночи – выскочили они к общаге, спеша, бежали к подъезду с единственным фонарем над дверями. Поздно заметил Серега у дальнего угла дома машину, а два быка уже вылезли из тени и перегородили путь – один к проезжей части, к ментовке, другой к общежитию.

– Не дури, фраер, – предложил поджарый сухой зонарь, помахивая длинной отверткой в густо-синей клешне, – Брось телку и вали. Юра велел тачку оставить твою даже.

– Тебе сказали, э!! – подал голос второй, молодой, спортивный здоровяк. Тому не терпелось изувечить кого-нибудь, и он понемногу надвигался, поводя широкими плечами, разминая белые пухлые кулаки.

Аннушка перевела дыхание после долгого бега, наконец-то справившись со своей вздымающейся грудью, и завещала на всю улицу звонким срывающимся голосом:

– Помоги-и-ите!!! Люю-ю-ди!!

В РОВД воплей, конечно, не слышали. Да и к чему им? В общаге мелькнуло за темной шторкой напуганное вахтершино старушачье лицо и исчезло, прячась. На первом этаже у кого-то зажегся свет. Улица оставалась пустынна. Последний трамвай ушел в парк с полчаса назад.

Большой парень с хакающим выдохом хряпнул Сергея в печень, вышибив из него воздух, разом отбросив на тротуар в сидячее положение. Встать уже не хотелось. Сережа закрыл голову руками, начинающий боксер-супертяж обозначил свинг на добивание ему в висок, но, по счастью, промазал.

Сухой сиделец тащил за трещащий ворот кофты Аннушку к машине. Она вяло упиралась едущими ногами, бормотала уже нелепые просьбы, орать боялась, скосив глаза на отверстие жало у своей щеки.

– Ты чо это? Маленьких обижаешь. Сюда иди, жирный...

Сергей увидел усатое улыбающееся лицо Димона. Он, видимо, выскочил из своей комнатки на первом этаже в общаге, не успев толком одеться – напялил только вельветовые штаны, даже ботинки не надел, босой. Под фонарем у него радостно алела загорелая рыжеволосая грудь, сделанная будто из скрученных веревок, и над сердцем наколотый синий

самолетик бросал вниз маленький парашют.

Боксер ринулся в атаку, пытался достать Димона «двойкой», но во время исполнения был сбит наземь подсечкой, покатился через голову на газон, где получил при попытке подняться удар коленом в хрустнувший нос, и затих, ткнувшись смятым лицом в пыльную траву.

Сиделец с силой швырнул Анну в сторону, отвертку уронил, вытащил из-за пояса тупорылый пистолет и без размышлений, привычно дослав патрон, начал палить.

Сергею казалось, что это не с ним. Это теплый вечер в июне. Ему двадцать три года. У него небольшой бизнес, почти готовый диплом, красивая очередная девушка и много лет впереди. Надо ведь жить. Надо зарабатывать, есть шашлыки, любить баб, дышать надо...

Бах!! Первая пуля обдала его теплой волной, промчавшись между его головой и Димоном, который, пригнувшись, не теряя времени на разговоры, зигзагом уже мчался к стрелявшему.

Бах! Вторая свинцовая виноградина шлепнула в бордюр и бетонные крошки стеганули Сережу по бровям до крови.

Третьего выстрела не было. Димон в подкате сшиб сутулого сидельца и сломал ему заученным движением коротко треснувшую шею.

Полуночных соловьев напугала стрельба. Они заткнулись. Тихонько мычал на газоне боксер, ныла, ковыряя разбитые коленки Анна, Димон сидел на корточках рядом с обмякшим

убитым человеком и хлопал себя по карманам.

– Серега, у тебя сигареты с собой? А то я свои забыл. Курить охота...

Через проспект закрипела дверь РОВД, показались оттуда два бойца, нахлобучивающие на себя шлемы.

– Эй, чего там у вас? – орал третий из-за полуоткрытой железной двери, – Ну-ка, бросай оружие. У меня СОБРы тут, с автоматами. Кому говорю?!...

Сергей молча собрался, отмахнулся от вопросов жены: – Куда ты?! Чего молчишь-то? Ненормальный. Достал уже, сил нет..., – пошел на улицу.

Одубело опять за ночь. Каждый день хочется надеяться – ну все, кончилась зима. Вот-вот польет с крыш, выпрыгнет забытое солнце, даст хоть крошечную надежду на счастье. Ничего подобного. Света на небе нет уже целую вечность.

Сергей встал за спиной бича, прикурил две сигареты, легонько постучал его по плечу, протянул одну, исходящую легким вертикальным дымом.

– А я твою крутку подобрал, – обнимая сигарку треснутыми, больными губами, сказал Димон, не выпуская из черных чугунных кистей пакеты с помоечным хламом. – Заметила она, наверное... Вчера ее видел, в магазин шла. Вы не сердитесь, я сегодня переберусь к вокзалу. И потом дальше двину, на юг. Я ведь чего заехал-то... Маманину могилку навещал в Нерехте. Померла на второй вот ходке, маленько не успел

откинуться. А сюда ноги сами принесли. Я ведь не искал вас, слово даю...

Молчали, глотали дым. У Димона текли красные, слипшиеся коростами глаза.

– Какая она стала, Серый? Не разглядел вчера. Волосы-то, волосы прежние, не обстригла? Прости, прости друг. Это я так. Исчезну сегодня. Не потревожу.

Сергей дернул кадыком, проглотил комок боли, схватил Димона за руки, разжимал ему кисти, чтобы упали в ледяную колею гремящие пакеты, держал его под локоть, аккуратно, чтоб тому не было больно изувеченным ногам, вел, упирающегося, не понимающего, к себе домой, не слушал возражений, недоумения, шептал ему в красное ухо свои вымученные, много раз репетированные в голове слова:

– Ты не понимаешь, Димка. Эта жизнь – твоя. Я ее для тебя и берег. Возвращаю чужое ...

До весны слишком далеко. И в помине нет солнца, ему запрещено баловать людей глупой надеждой. Воздух стылый, влажный, нездоровый. Есть только маленький намек, что существует счастье – робкая, еле слышная птичья песня. Другое дело, что птица не отвечает – счастье-то, – оно уже прошло, или еще будет?..